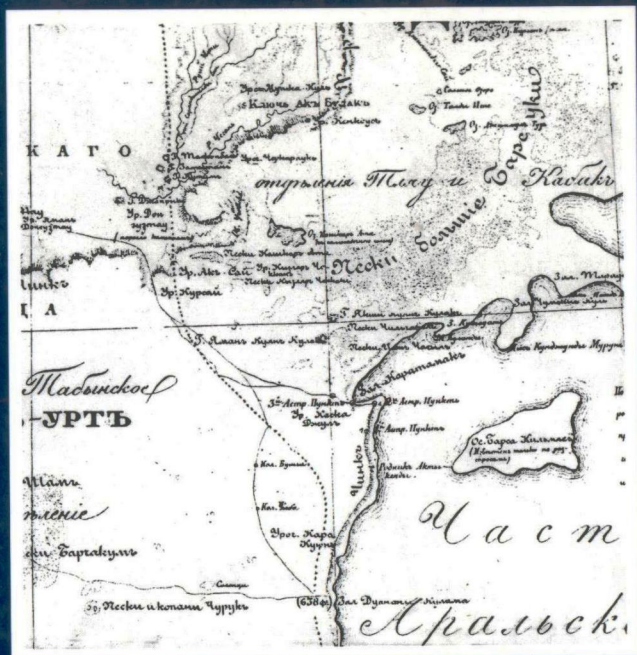

Ор № 2
М-33

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Г. П. Матвиевская

**Яков
Владимирович
ХАНЫКОВ**

Г. П. Матвиевская

ор 72
М 33

ор 721
72.3Д
+ ор 26. 8Д
+ ор 63. 347
+ ор Д

**Яков
Владимирович
ХАНЫКОВ**

1818 – 1862

и - 291639
16 17 08

Ответственный редактор
доктор технических наук
А. В. ПОСТНИКОВ

МОСКВА
НАУКА
2006

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н. К. КРУПСКОЙ"

От автора

Яков Владимирович Ханыков (1818–1862) принадлежит к тем русским ученым XIX в., научные заслуги которых в свое время нашли всеобщее признание, но впоследствии в силу тех или иных причин оказались забытыми и исчезли из поля зрения историков науки. Долгое время в незаслуженном забвении оставался и его брат Николай Ханыков (1819–1879), но эту несправедливость устранила появившаяся в 1977 г. книга Н.А. Халфина и Е.Ф. Рассединой “Н.В. Ханыков – востоковед и дипломат”. Перед Яковым Ханыковым, имя которого было не менее известным в ученом мире, историки науки находятся в долгу до сих пор.

Своими трудами, получившими самую высокую оценку А. Гумбольдта и Р.И. Мурчинсона, Я.В. Ханыков внес важный вклад в развитие географической науки в России, а интерес к исследованию Средней Азии и работы по картографированию этого региона позволяют причислить его к крупнейшим отечественным востоковедам. Он был избран в 1845 г. в действительные члены Русского географического общества (РГО) и некоторое время (1851) был его секретарем.

Я.В. Ханыков поражал современников огромной эрудицией в разных областях знания, редкой широтой кругозора и способностью заниматься одновременно исследованиями теоретического характера и кропотливой работой по составлению карт. При оценке его научного наследия нельзя не учитывать, что творческая жизнь этого талантливого ученого была очень недолгой, из-за тяжелой болезни прервавшись в 35 лет. Можно удивляться, как много он успел сделать за такой короткий срок, тем более что научные исследования ему приходилось сочетать с исполнением обязанностей правительственного чиновника высокого ранга.

В литературе Я.В. Ханыкову уделено мало внимания. По существу сведения о его научной деятельности можно найти только в вышедшей в 1895 г. книге А.А. Семенова-Тян-Шанского об истории РГО за первые 50 лет его существования.

В наше время к творчеству Я.В. Ханькова обратилась Б.А. Вальская, отметившая, что известно о нем очень немного. Она рассмотрела его сочинения по статистике (1957), сделала обзор его трудов по географии и картографии и пришла к выводу, что забытые работы Ханькова должны занять достойное место в истории географической науки в нашей стране.

Большое внимание трудам Я.В. Ханькова уделено в книге “Карл Риттер и географическая наука в России” Н.Г. Суховой.

Изучением жизни и творчества Я.В. Ханькова занимался оренбургский историк Ю.С. Зобов. В 2002 г. вышла в свет его статья “К творческой биографии русского ученого-востоковеда Я.В. Ханькова”, в которой отмечена связь деятельности Ханькова с Оренбургским краем.

Предлагаемая в этой книге научная биография замечательного, но почти неизвестного ученого Я.В. Ханькова собрана буквально по крупицам: по упоминаниям о нем в воспоминаниях и письмах современников, которые опубликованы главным образом в журналах XIX в., и по архивным документам. Среди них письма Я.В. Ханькова к В.И. Далю, Ю.Ф. Самарину, Н.А. и Д.А. Милютиным, Г.С. Карелину, Н.В. Гоголю и письма к нему от В.А. Перовского, которые удалось обнаружить в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) и архивах Москвы и Санкт-Петербурга, рукописных отделах Института русской литературы РАН (Пушкинский дом, ИРЛИ), Российской Национальной библиотеки (РНБ), Российской Государственной библиотеки, Российского государственного Исторического архива, санкт-петербургского филиала Архива РАН (ПФА РАН), Русского географического общества.

Глава 1

Детство и юность. Царскосельский лицей

Яков Владимирович Ханыков родился 2 марта 1818 г. в родовом имении – селе Георгиевском Лихвинского уезда Калужской губернии. Он был старшим сыном Владимира Яковлевича Ханыкова (1791–1863), морского офицера, находившегося в то время в отставке [169, 7–8]. Из четырех его младших братьев в живых остались Николай (1819–1878) и Александр (1826–1851).

Род Ханыковых, как выяснено из родословных книг [169, 7], вел начало от “выехавшего” из Большой Орды в Рязань к великому князю Рязанскому “мужа честна именем Салахмира, а по крещении названного Иваном”. Потомки его правнука, носившего прозвище Ханык, с XVI в. “российскому престолу служили стольниками и в иных чинах”.

Относительно имущественного положения семьи известно, что в 1822 г. В.Я. Ханыков унаследовал после смерти своего отца 5 деревень в Тульской и Калужской губерниях и 325 крестьянских душ [169, 8]. В 1850 г. за ним числилось 396 крепостных крестьян¹.

Образование он получил в петербургском Морском кадетском корпусе и, закончив его в 1807 г., служил на Балтийском флоте в чине мичмана. В 1811 г. он вышел в отставку, но в 1824 г. вернулся на службу, заняв должность чиновника особых поручений при калужском генерал-губернаторе. В 1828–1831 гг. В.Я. Ханыков был библиотекарем Департамента народного просвещения [169, 7–9]. Позднее он, по-видимому, постоянно жил в Калуге [133, 65].

Сыновья В.Я. Ханыкова получили превосходное образование. Яков и Николай учились в Благородном пансионе Царскосельского лицея, а затем в самом лицее. Александр позднее закончил Первую петербургскую гимназию, в которую в 1830 г. был преобразован Благородный пансион, и стал студентом Петербургского университета.

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. № 11615/7. Л. 54.

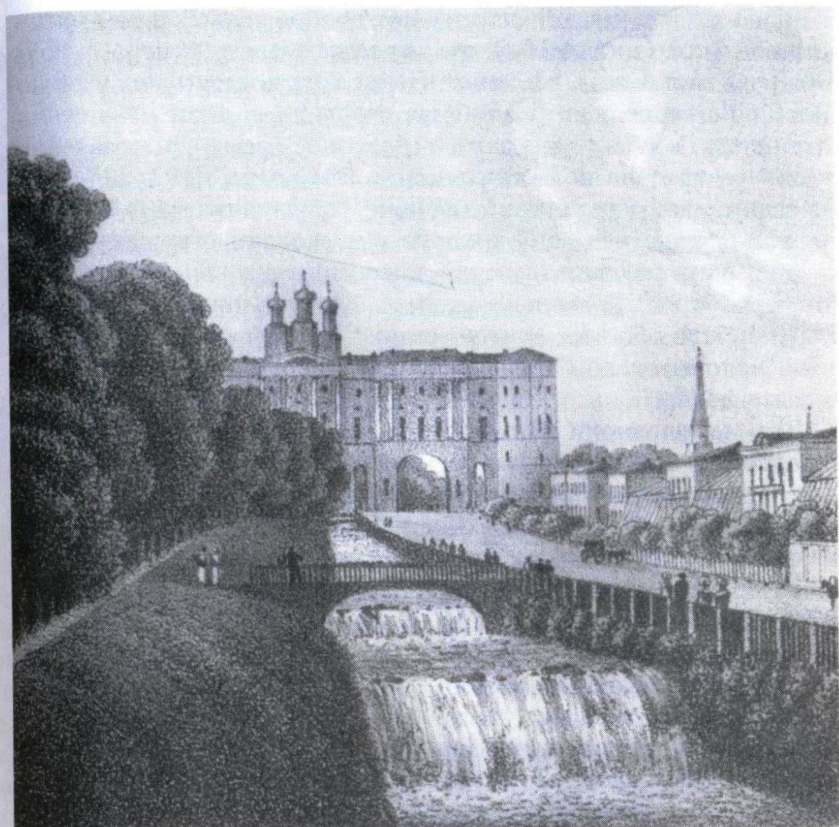
Благородный пансион, организованный в 1812 г., считался самостоятельным учебным заведением с полным курсом обучения [36]. Однако ежегодно 25 лучших учеников старших классов пансиона переводились в Царскосельский лицей. Целью этого привилегированного учебного заведения, открытого 19 октября 1811 г., согласно его уставу, было “образование юношества, особливо предназначенного к высшим частям службы государственной” [87, 476]. Выпускники лицея поступали на службу сразу чиновниками IX и X класса, то есть с чинами титулярного советника и коллежского секретаря.

Имя Якова Ханыкова значится в списках окончивших Благородный пансион в 1829 г., то есть в последний год его существования, и тогда же переведенных в лицей [87, 515]. Спустя три года лицеистом стал и его брат Николай.

История Царскосельского лицея сейчас хорошо известна [63; 87; 140; 141; 146 и др.] прежде всего потому, что среди первых лицеистов был А.С. Пушкин. Немало написано и о соучениках великого поэта – выпускниках 1819 г., об их наставниках, о зародившихся в ту пору лицейских традициях, либеральном духе, царившем тогда в этом учебном заведении, которое снискало себе славу источника свободомыслия.

Ко времени, когда лицеистом стал Яков Ханыков, лицей уже произвел пять выпусков (1817, 1820, 1823, 1826, 1829), а в системе воспитания и образования многое изменилось. После декабрьских событий 1825 г. она стала более строгой, не допускавшей никакого вольнодумства. Из Министерства народного просвещения лицей был передан под опеку Управления военно-учебных заведений и вошел в ведомство главного директора кадетских и пажеских корпусов великого князя Константина Павловича (а после его смерти в 1831 г. – Михаила Павловича). В результате было частично утеряно присущее ему своеобразие, и он стал похож на другие учебные заведения.

Значительно уменьшилась степень закрытости лицея. В своих воспоминаниях лицеист 1832–1836 гг. А.Н. Яхотнов, учившийся в одном классе с Николаем Ханыковым, писал, что “удаленные от соблазнов столичной жизни, прежние лицеисты долее сохраняли простоту нравов и привычек, жили своей особой, семейной жизнью”, и “в среде их вырабатывались элементы прочного дружеского единодушия, примерного товарищества, соединявшего их и после выпуска, в течение всей жизни, выработалась и любовь всех лицейских к Лицею и к Царскому Селу, как к родному месту” [192, 103]. Теперь же порядки стали другими. В 1832 г. вышел приказ, согласно которому воспитанники “отличной нравственности, прилежания в науках и отличные в успехах” стали при-

Царскосельский лицей

глашаться к столу великого князя, а затем – высочайшее повеление, обязывающее лицеистов по воскресным и праздничным дням дежурить при императорской семье во время ее пребывания в Царском Селе; лицеисты старшего возраста уравнивались с пажами, младшего – с камер-пажами [69, 24]. Последовало также разрешение посещать театр, а в каникулярное время – родственников.

Количество воспитанников было удвоено и организовано четыре класса, из которых два составляли первый курс, а два – второй. “Курс учения в каждом классе, – пишет Яхонтов, – должен был продолжаться полтора года, и выпуски происходить уже не через три года, как прежде, а также через каждые полтора года” [192, 104].

Особое внимание теперь уделялось нравственному воспитанию лицеистов, и с этой целью с 1829 г. в первом классе было за-

прещено чтение книг, “воспалявших воображение”, в том числе романов и трагедий. А.Н. Яхотнов рассказывает: “В первые полтора года нашей жизни в лицее чтение всех посторонних учению книг было запрещено. Излишняя строгость в этом отношении доходила до того, что мы даже в свободное время при появлении гувернера прятали под стол романы В. Скотта” [192, 107–108]. Он вспоминает, как у него была конфискована поэма А.С. Пушкина “Руслан и Людмила”, которую ему одолжил старшекурсник.

Упомянув ряд нововведений, вносивших в жизнь воспитанников неудобства и казенный дух, А.Н. Яхонтов пишет, что лицеисты скорбели обо всех этих переменах и называли прежние времена “золотым веком” лицея, на смену которому теперь пришел “век железный”.

Тем не менее они неизменно гордились принадлежностью к лицейскому братству и дорожили сложившимися традициями. По словам А.А. Харитонов, одноклассника Я.В. Ханыкова: “дух заведения был превосходный: старинные предания поддерживались прежними выпусками, которые приезжали не только из Петербурга, но и из более далеких мест, чтобы навестить нас” [87, 339].

О том же пишет Я.Н. Яхонтов: “Нередко случалось, что посещали лицей бывшие воспитанники прежних курсов. Такое посещение составляло маленькое событие в нашей жизни. Обычно старшие делали с гостем обход всего лицея, чтоб показать ему новое размещение классов и новые порядки. Весь старший курс следовал за ним толпою, всегда шумною и веселою, придавая этому шествию какую-то особенную торжественность, как бы доказывавшую нашу независимость от наших дисциплинарных порядков, так как обход этот иногда случался во время наших вечерних занятий. Мы с любопытством рассматривали приезжего как представителя лучших времен лицея, которые мы называли золотым веком” [192, 105–106].

Весной 1833 г. лицей посетил А.С. Пушкин, который встретился с воспитанниками и показал им свою комнату [69, 22].

Знаменательным событием, по словам А.А. Харитонova, был приезд лицеиста первого выпуска В.Д. Вольховского (1798–1841), одного из друзей Пушкина. В то время он был начальником штаба Отдельного кавказского корпуса, а его имя стояло первым на установленной в 1833 г. мраморной доске “с именами отличнейших выпускников, получивших золотые медали” [69, 29]. Особенное впечатление произвела скромность знаменитого гостя: увидев свою фамилию на памятной доске, к которой его подвели лицеисты, он начал читать вслух записанные на ней имена снизу вверх и остановился, дойдя до своего [87, 339; 140, 142].

Традиционно сохранялся интерес к литературе. По свидетельству А.Н. Яхонтова, увлечение ею началось для большинства во втором классе, когда чтение было разрешено, “но каждая книга должна была проходить через цензуру инспектора”. “Это было время, – пишет он, – появления драм и драматических фантазий Нестора Кукольника: мы восхищались его Торквато-Тассом, Роксоланой и проч.; в наших глазах он был поэтом первой величины, мало чем уступавшим Пушкину. Затем появились стихотворения Николая Языкова, которые мы знали наизусть от доски до доски; зачитывались мы также сказками казака Луганского, повестями английского юмориста Мариета и проч.” [192, 108].

Лицейсты выпускали свои литературные альманахи и журналы. Один из таких журналов под названием “Сын лицея” издавал автор цитированных воспоминаний Алексей Харитонов вместе с Яковом Ханыковым [87, 339–340].

Был в это время свой журнал и у лицейстов младших классов. Об этом рассказывал А.Н. Яхонтов: “По примеру прежних курсов мы задумали издавать свой литературный журнал для домашнего обихода. Первый ученик нашего класса К.С. Веселовский (ныне непреходящий секретарь Академии наук) взялся быть его редактором и переписчиком, а я был его сотрудником. Журнал наш – “Денница” – выходил один раз в месяц в виде толстых тетрадей, писанных мелко и красиво, на отличной белой бумаге, с виньетками, исполненными пером, очень изящно, самим редактором. Помещались в нем наши стихи, повести, оригинальные и переводные, критические статьи, наша лицейская хроника и смешные анекдоты, для разнообразия” [192, 109].

Поскольку в младших классах увлечение литературой не поощрялось, журнал издавался тайно от воспитателей. “Содержание журнала, – продолжает Яхонтов, – было, конечно, детское, иногда наивное, но кое-где проглядывал и талант. Издание это, на котором мы пробовали наши крылья и в котором не было ничего предосудительного или неприличного, не могло быть, однако, гласным: начальство строго преследовало всякие литературные упражнения в младшем курсе”. Однажды “Денница” была конфискована инспектором, который “имел неосторожность не спрятать ее под замком”. “Воспользовавшись минутой отсутствия его в инспекторской комнате, – заключает рассказчик, – мы сочли себя вправе взять с его стола нашу собственность и с торжеством принесли ее в класс. С тех пор наша “Денница” хранилась в надежном месте, и все попытки найти ее остались напрасными” [192, 109].

Однако основное внимание лицейстов было направлено на учебу. “Мы работали, учились и читали много, – писал А.А. Ха-

ритонов, – из 25 воспитанников нашего курса больше половины вставали в 3 часа утра и занимались каждый за своей конторкой тем, в чем чувствовали себя слабее... Начальство не запрещало этих ранних занятий и отпускало для них зимой казенные свечи” [87, 339].

Учебная программа Царскосельского лицея соответствовала целям этого единственного в России учебного заведения, выпускникам которого предстояло занять высшие посты на государственной службе. Она обеспечивала им наивысший по тому времени уровень образования, что оправдывало их особые права при поступлении на службу: они получали чины IX и X классов, тогда как окончившие университет становились чиновниками XIV класса; чин IX класса получал магистр наук, а X – доктор наук [69, 20].

Программа обучения была рассчитана на 6 лет и охватывала начальный и конечный курсы – по 3 года каждый [69; 146].

Для классов начального курса обязательным было прежде всего грамматическое изучение языков (русского, латинского, французского, немецкого) и освоение основы “наук нравственных” – Закона Божия и нравственной философии, включавшей логику, психологию и эстетику. В число “наук математических”, изучавшихся на младшем курсе, входили арифметика, геометрия (планиметрия и стереометрия), алгебра (до уравнения третьей степени), прямолинейная тригонометрия, основы физики (“как общие, так и особенные свойства тел, познание магнитных, электрических и гальванических явлений”), а также прикладная математика, под которой понимались “первые основания” механики и математической географии. “Науки исторические” охватывали историю российскую и иностранную, географию и хронологию.

В первые три года воспитанники лицея должны были постигнуть также “первоначальные основания изящных письмен” с целью “изошрения и направления вкуса к изящному слогу”. Для этого изучались “избранные места из лучших писателей с разбором оных и правил риторики”.

Особым пунктом программы значились “изящные искусства и гимнастические упражнения”, куда входили чистописание, рисование, “танцование”, фехтование, верховая езда и плавание.

В старших классах, где преподавание велось по университетской (лекционной) методике, должен был быть освоен “окончательный курс” изучаемых предметов. Входившие в него “науки нравственные” были призваны осветить “нравственное положение человека в обществе” и дать представление об “устройстве гражданских обществ, прав и обязанностей”. К ним относились

“науки исторические”, а также статистика “с обозрениями политических наук вообще”.

Примечательно указание, сделанное в программе относительно преподавания “наук исторических”: история “должна быть делом разума”, и словесность следует приближать “скорее к упражнениям разума, нежели памяти”.

Большое значение придавалось “политическим наукам” (касающимся безопасности и благосостояния государства) и статистике. В курсе статистики излагались история статистической науки, теория и применение этой теории к описанию европейских государств, прежде всего Англии, Франции, Австрии и Пруссии. Не меньше внимания уделялось юридическим дисциплинам, в число которых входили наука государственного хозяйства, естественное и римское право, основы частного и гражданского права, уголовные законы и практическое российское законоведение.

Относительно “наук математических” программой было определено: “Здесь должно окончить алгебру, пройти курс сферической тригонометрии и конические сечения. Потом показать нужнейшие части прикладной математики, как то: статику, гидравлику, артиллерию и фортификацию”. Кроме того, лицеисты получали достаточно полное представление о гражданской архитектуре и перспективе. В 1832 г. из преподавания были исключены “военные науки”, то есть артиллерия и фортификация, поскольку для выпускников, в большинстве своем поступавших на гражданскую службу, они не являлись необходимыми [69, 28].

При изучении “наук физических”, прежде всего физики и физической географии, требовалось уяснить связь физических явлений с законами природы, чтобы получить “коренное познание земного шара в физических отношениях”. Следовало также освоить “естественную историю”, то есть ботанику, зоологию и минералогию.

Окончательный курс предполагал продолжение занятий иностранными языками, причем помимо грамматики и переводов большое значение придавалось чтению произведений “хороших писателей”.

Учившийся в 1832–1838 гг. А.Н. Яхонтов, говоря о лицейской учебной программе, заметил: “Научные занятия наши имели вообще характер энциклопедический: нас хотели научить всему, но так как времени на это было мало, то, к сожалению, приходилось хватать вершки в ущерб основательности знания. Естественные занятия (кроме физики и химии) вполне игнорировались в лицее, но и без них было 18 предметов преподавания” [192, 113].

В 1834 г., когда Я.В. Ханыков уже заканчивал курс обучения, в программу был включен английский язык. В том же году зна-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66